

ГЕОРГИЙ ВЕРНАДСКИЙ

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

РАЗВИТИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ В РОССИИ
В XVIII—XX ВВ.

Георгий Вернадский

**Русская историография.
Развитие исторической науки
в России в XVIII—XX вв**

«Центрполиграф»

1998

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Вернадский Г. В.

Русская историография. Развитие исторической науки в России в XVIII—XX вв / Г. В. Вернадский — «Центрполиграф», 1998

ISBN 978-5-9524-5898-7

Автор настоящего исследования Г.В. Вернадский — историк-евразиец, специалист по истории России, профессор русской истории Иельского университета в США, один из основателей американской школы русской историографии, доктор гуманитарных наук. В своей книге он уделяет внимание развитию историографии в России от XVIII до начала XX века. В ней говорится об идеях, оказавших влияние на русскую историческую науку, об изучении всеобщей истории, археологии и искусства, даны сведения и характеристики творчества ведущих российских историков Н. Костомарова, Н. Карамзина, В. Ключевского, С. Соловьева, И. Грабаря и др. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9524-5898-7

© Вернадский Г. В., 1998

© Центрполиграф, 1998

Содержание

Очерки по истории науки в России в 1725–1920 гг.	7
Часть первая	7
I	7
II	9
III	16
IV	17
V	18
VI	19
VII	23
VIII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Георгий Владимирович Вернадский

Русская историография

Развитие исторической науки

в России в XVIII—XX вв.

Г. В. Вернадский

Выдающийся русский историк, эмигрировал из России в 1920 году.
В США и Европе признан крупнейшим специалистом по русской истории.

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Очерки по истории науки в России в 1725–1920 гг.

Часть первая XVIII век

I

Почва для произрастания русской науки подготовлена была еще во второй половине XVII века Киевской духовной академией. Эта академия давала своим питомцам солидное знание латинского языка и развивала их мыслительные способности лекциями по логике, физике и философии. Не следует забывать, что латинский язык все еще был тогда международным языком европейской науки. Многие выдающиеся киевские ученые приглашались в Москву и открывали школы там. Некоторые из них пользовались большим влиянием при царском дворе.

В 1687 году учреждена была своя академия и в Москве – Славяно-греко-латинская. Некоторые из студентов ее позже, после учреждения Петербургской академии наук, были вызваны туда для окончания их образования и сделались выдающимися учеными.

Но только со времени Петра Великого в России создались возможности для развития науки в современном смысле этого слова. В 1701 году Петр основал в Москве школу математических и навигационных наук, возглавлять которую был приглашен шотландец Фаргварсон. В 1715 году открыта была Морская академия под начальством Нарышкина, помощником которого был сделан тот же Фаргварсон. В ряде городов учреждены были школы для подготовки мастеров на казенные заводы. В 1706 г. в Москве основана была медицинская школа. Через три года подобная же школа была учреждена и в Петербурге. Все эти учебные заведения носили практический характер. Они были необходимы для обслуживания новой русской армии и флота в обстановке войны со Швецией.

Но Петр смотрел глубже и дальше вперед, чем большинство его сподвижников. Он признавал, что Россия нуждается не только в технических и военных знаниях, но и в овладении теоретическими основами науки. В Европе к его времени выработалась форма руководящего центра научных изысканий – Академия наук. Французская академия наук была основана в 1635 году. Британское королевское общество – в 1663 году. Берлинская академия наук открыта была в 1711 году по инициативе и по плану знаменитого философа и математика Лейбница (1646–1716). Он был назначен ее первым президентом.

В первые годы Шведской войны Петр был поглощен военными делами. Только после Полтавской победы 1708 года и наступившего перелома в ходе войны можно было начать думать об учреждении Академии наук. Во время своих поездок в Германию в 1711, 1712 и 1716 годах Петр неоднократно виделся с Лейбницем и беседовал с ним о распространении наук и просвещения в России. Эти беседы послужили первым толчком к мысли об учреждении Академии наук в Петербурге. В 1717 году Петр ездил в Париж, присутствовал на заседании Французской академии наук и был избран ее членом. Через четыре года после того кончилась наконец война России со Швецией и ее союзниками.

Мысль Петра об учреждении Академии наук теперь начала принимать конкретные формы. Главным советником Петра в этом деле был обрусевший немец лейб-медик Лаврентий Лаврентиевич Блументрост (1692–1755). Его отец Лаврентий Алферович, тоже известный доктор, выехал с семьей из Германии в Москву в 1668 году по приглашению царя Алексея Михайловича, был хорошо принят и ужился в Москве (умер там в 1705 г.). Советовался Петр

и с известным немецким философом Христианом Вольфом. Петр звал его в Россию, чтобы основать Академию наук. Переписка между Петром и Вольфом (в которой участвовал и Блументрост) ни к чему не привела. Вольф отказался приехать в Россию. По его мнению, прежде чем основывать академию в Петербурге, надо было подготовить для этого почву и сначала открыть университет, для чего достаточно выписать из Германии нескольких профессоров. В конце концов дело пришлось решать самому Петру в сотрудничестве с Блументростом. Решено было основать Академию наук как ученое учреждение, но при ней открыть университет, где академики в звании профессоров читали бы лекции студентам, и гимназию, где бы эти студенты предварительно обучались.

28 января 1724 года Петр подписал основанный на этих принципах устав академии. Ровно через год он умер от простуды, которую подхватил, помогая стаскивать с мели бот с солдатами и спасать их, причем ему пришлось стоять в воде по пояс. Академия наук начала свою деятельность при вдове Петра Екатерине I. Первое организационное заседание состоялось 12 ноября 1725 года, а торжественное открытие 27 декабря того же года. Президентом академии был назначен Блументрост. Воля Петра, таким образом, была исполнена. Не может быть, однако, сомнения, что, если бы Петр прожил еще несколько лет, деятельность академии развернулась бы сразу гораздо шире, чем это было в действительности.

После смерти Екатерины I, в кратковременное царствование Петра II, царский двор переехал в Москву. За ним последовал и Блументрост, передав фактическое заведование академией ее секретарю Ивану Даниловичу Шумахеру (1690–1761). Шумахер вызвал своим самоуправством сильное раздражение среди академиков, но тем не менее продолжал управлять академией до 1757 года, когда был заменен Таубертом.

В 1733 году по приказанию императрицы Анны Иоанновны Блументрост был лишен должности и выслан в Москву. Положение его улучшилось после вступления на престол Елизаветы. В 1754 году он был назначен куратором Московского университета (открытого в 1755 г.), но через год умер.

Первый состав членов Академии наук был приглашен из-за границы по выбору Вольфа. Среди них были такие светила науки, как математики Даниил Бернулли и Леонард Эйлер (оба швейцарцы) и астроном Николай Делиль (француз). Из них особенно плодотворную роль в ученой жизни академии сыграл Эйлер (1707–1783). Бернулли вернулся в Базель в 1733 году, Делиль уехал обратно в Париж в 1747 году.

Эйлер приехал в Петербург в 1727 году двадцатилетним юношей, сразу занялся изучением русского языка, которым вскоре овладел. Время царствования императрицы Анны Иоанновны и особенно кратковременного регентства Анны Леопольдовны (1730–1731) тяжело отразилось на жизни Академии наук из-за вмешательства в ее дела Бирона и других временщиков. В конце концов Эйлер не выдержал и принял приглашение прусского короля Фридриха переехать в Берлин. Но связи с Россией он не прерывал. Ему было присвоено звание почетного члена Петербургской академии наук и назначена небольшая ежегодная пенсия. К Эйлеру в Берлин посылались студенты Академии наук для довершения образования. В числе их был будущий астроном Степан Яковлевич Румовский. Из Берлина же Эйлер завел научную переписку с М. В. Ломоносовым. Сношения между Берлином и Петербургом почти прервались во время русско-прусской войны 1756–1762 годов. По окончании этой войны Эйлер решил вернуться в Россию, но король Фридрих долго не хотел дать ему на это разрешение, и только летом 1766 года Эйлер смог вернуться в Петербург. Ломоносов к этому времени уже умер. Несмотря на почти полную потерю зрения, Эйлер продолжал научную работу с помощью своего старшего сына и учеников. Умер он от удара в 1783 году.

Согласно плану пополнения академии русскими студентами начались призывы подходящих кандидатов. В 1732 году было вызвано 12 лучших студентов московской Славяно-греко-латинской академии. В числе их был будущий географ Семен Петрович Крашенинников. Через

три года была вызвана оттуда же вторая партия кандидатов. В ней был Михаил Васильевич Ломоносов. Подобные вызовы продолжались и в дальнейшем.

С. П. Крашенинников (1711–1755) был сыном солдата Преображенского полка. По прибытии Крашенинникова и его сотоварищей в Академию наук их подвергли экзаменам и лучших из них стали готовить к посылке в экспедицию для исследования Сибири. Во главе этой экспедиции стояли академики И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер. Летом 1733 года Крашенинников и его товарищи прослушали курс лекций этих профессоров по ботанике, зоологии и географии.

Крашенинников провел в Сибири десять лет (последние пять лет на Камчатке). Во время своих поездок он собирал не только географические и естественно-исторические сведения, но также этнографические и исторические. Все его наблюдения были необыкновенно точны. В 1745 году Крашенинников на основании отзывов Гмелина и Ломоносова был назначен адъюнктом Академии наук, а два года спустя директором ботанического сада. В 1750 году Крашенинников был сделан профессором ботаники в академическом университете. В конце этого года он начал писать главный свой научный труд: «Описание земли Камчатки». Закончил он его перед самой своей смертью (1755). Книга была напечатана посмертно и несколько раз переиздавалась. Последнее издание вышло в Москве в 1949 году. Труд Крашенинникова был переведен на английский, немецкий, голландский и французский языки.

II

Богатырская фигура Михаила Васильевича Ломоносова наложила свою печать на жизнь Академии наук 1740-х–1750-х годов и на дальнейшее развитие русского просвещения и русской науки. По его инициативе и плану учрежден был в 1755 году Московский университет. Ломоносов родился 8 ноября 1711 года на берегу Белого моря близ города Холмогоры. Отец его, помор Василий Дорофеевич, был судостроителем и мореплавателем – развозил грузы по портам Поморья, вплоть до норвежских и шведских портов. Мать Михаила – Елена Ивановна, урожденная Сивкова, – была дочерью дьякона. Но она рано умерла, отец женился второй раз, мачеха невзлюбила пасынка и ругала его за любовь к чтению. Михаил научился грамоте у своего соседа по деревне, а затем обучался у дьячка приходской церкви. Когда Михаилу исполнилось десять лет, отец его начал брать с собой в морские поездки. На Михаила эти путешествия произвели неизгладимое впечатление, запомнившееся на всю жизнь. Тогда уже проявилась в нем проникновенная любовь к природе и пытливость ума.

В 1763 году, описывая условия мореплавания в Поморье в своем сочинении «Краткое описание путешествий по северным морям», Ломоносов вспоминает: «Сие приметил я по всему берегу Норманского моря» (во время поездки его с отцом).

Четырнадцать лет Ломоносов изучил «Арифметику» Магницкого и «Славянскую грамматику» Смотрицкого. Это была вершина премудрости, доступной тогда в глухом краю. Чтобы учиться дальше, надо было поступить в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Туда зимой 1730 года и отправился Ломоносов – пешком, следуя за обозом рыбы, в стужу, почти без денег в кармане. Но цели своей он достиг – был принят в Духовную академию. Из Москвы, как было уже сказано, Ломоносов был вызван в 1735 году в Петербург в Академию наук для поступления в гимназию при ней. Удостоверившись в его знаниях и способностях, академическое начальство отправило Ломоносова в Германию для завершения подготовки к научной деятельности. Ломоносов поступил студентом в Марбургский университет, где учился философии, физике и механике у Христиана Вольфа. Ломоносов обучился также немецкому и французскому языкам (латынь и греческий он освоил еще в Славяно-греко-латинской академии в Москве).

Лекции Вольфа оказались чрезвычайно полезными для Ломоносова. Они помогли ему развить его философское и научное мировоззрение, логичность и ясность мысли, а также

ознакомили с тогдашней научной терминологией, которую он потом приспособил к русскому языку. Под руководством Вольфа Ломоносов познакомился с трудами выдающихся философов, физиков и химиков XVII и начала XVIII столетия, в том числе и с сочинениями английского физика и химика Роберта Бойля (1627–1691). Бойль принимал существование в природе абсолютно пустого пространства, в котором находятся мельчайшие материальные частицы (атомы) определенной величины и формы. Атомы жидкостей находятся в постоянном движении, а твердых тел – в покое. Исследовать эти частички надо при помощи математики, физики и химии. Эти мысли Бойля произвели громадное впечатление на Ломоносова. По данной ему инструкции Ломоносов должен был после учения у Вольфа изучить металлургию и горное дело во Фрейберге под руководством Генкеля. Знание рудного дела много помогло Ломоносову в дальнейшем для его исследований в области химии и минералогии. Пробыл он во Фрейберге недолго и вернулся к Вольфу в Марбург. В 1740 году он женился на немке Елизавете Цильх. Брак этот он почему-то долгое время скрывал. В 1741 году он вернулся в Петербург. Через полгода по возвращении в Россию и представлении им предварительного отчета о своих занятиях в Германии Ломоносов был назначен адъюнктом академии.

После того он привел в порядок записи своих исследований в Германии и начал печатать основанные на них труды. Теперь встал вопрос о назначении его полноправным членом академии. Шумахер послал несколько «диссертаций» Ломоносова на отзыв Эйлера в Берлин. Эйлер высоко оценил их. «Все сии сочинения, – написал он в своем отзыве, – не только хороши, но превосходны, ибо он [Ломоносов] изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самыми остроумными учеными людьми, с таким основанием, что я совсем уверен в точности его доказательств».

В 1745 году Ломоносов был назначен полноправным членом Академии наук и профессором химии. Упрочив свое положение, Ломоносов выписал из Германии свою жену, и для него настала более упорядоченная жизнь.

Дальнейшее научное творчество Ломоносова Б. Н. Меншуткин разделяет на три периода. Сперва он несколько лет занимался главным образом физикой, затем главным образом химией (1749–1756), а в последнее десятилетие его жизни разнообразными естественными науками – географией, метеорологией, астрономией, минералогией и геологией.

В физике первой половины XVIII века большое значение придавалось опытам. Но опыты эти не всегда давали ясные результаты. Для объяснения их нужно было строить гипотезы. В этих гипотезах фигурировали таинственные тонкие жидкости-материи теплоты, света, тяжести и т. д. Материи эти были невидимыми и невыделяемыми. Сущность теплоты объяснялась «огненной материей» (теплород или «теплотвор»). «Химия находилась под властью гипотезы флогистона, просуществовавшей до конца XVIII века» (Меншуткин). Флогистоном называли горючий принцип. Считалось, что все тела, способные гореть или изменяться от действия огня, содержат флогистон.

Непременным условием для своей научной работы Ломоносов считал постройку химической лаборатории. В течение нескольких лет он настойчиво добивался этого перед академическим начальством, но получал от Шумахера все тот же ответ: нет денег. Наконец Елизавета издала указ о постройке лаборатории на счет кабинета ее величества. В 1748 году лаборатория была построена по плану и под наблюдением Ломоносова. Стоимость постройки была 1344 рубля. Каменный дом был размером всего 6½ сажени длины, 5 сажень ширины. Внутри было три помещения. Все оборудование разработано самим Ломоносовым. Так создана была первая в России химическая лаборатория. Позже Ломоносов устроил еще маленькую лабораторию у себя в доме.

В своих химических опытах Ломоносов одним из первых тогдашних ученых систематически применял весы. Количественное исследование химического состава различных веществ тогда только начиналось.

С помощью этого метода он отверг гипотезу теплорода, объявив все явления, происходящие при нагревании, вращательным («коловоротным», как он писал) движением частичек тел и твердых, и жидких, и газообразных.

Термин «флогистон» Ломоносов иногда употреблял вскользь, не придавая ему особого значения, но своими опытами он нанес сильный удар этой гипотезе.

Размышляя о процессах горения и окисления, Ломоносов обратил внимание на то, что при прокаливании металла вес его увеличивается, и предположил, что это зависит от присоединения к металлу частиц текущего над ним воздуха. Это предположение Ломоносова противоречило некоторым опытам и взглядам его любимого Бойля. Для проверки этого вопроса Ломоносов в 1756 году сделал несколько специальных опытов. На этот раз он с Бойлем не согласился. Описал он их так: «Делая опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес отожденного металла остается в одной мере». «Этим было доказано: 1) что привес металла при обжигании обусловлен соединением его с воздухом; 2) что объяснение процесса обжигания металла при помощи флогистона невозможно: если бы флогистон уходил из металла, то заплавленная реторта с металлом должна была бы иметь иной вес после нагревания» (Меншуткин). Результаты своих опытов Ломоносов сообщил конференции Академии наук, но не опубликовал.

Через двадцать семь лет французский химик Лавуазье (не зная об опытах Ломоносова) сделал точно такой же эксперимент. При этом он сделал одно важное наблюдение: только часть воздуха запаянной реторты соединилась с металлом. Отсюда Лавуазье сделал вывод, что воздух состоит из двух газов, из которых один соединяется с металлом, а другой – нет (кислород и азот). До этого открытия Лавуазье воздух рассматривался как цельный элемент. Сторонники теории флогистона повели отчаянную борьбу против выводов Лавуазье, но в конце концов должны были сдаться.

В основе научных взглядов Ломоносова на природу лежала мысль о постоянстве материи и движения. В своем «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760) он писал: «Все перемены в натуре случающиеся такого суть состояния, что, сколько у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому...»

Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Отправной точкой в занятиях физикой и химией послужили Ломоносову поразившие его в годы учения у Вольфа идеи Бойля.

Ломоносов говорил: «После того, что я прочел у Бойля, мною овладело страстное желание исследовать мельчайшие частички тел. О них я размышлял восемнадцать лет». На основании этих своих размышлений Ломоносов думал написать большое сочинение о значении «частиц», или «корпускул», для понимания законов физики и химии – «корпускулярную философию», как он говорит в одном из своих писем Эйлеру. Это «великое начинание» (по выражению Меншуткина) Ломоносов не успел осуществить. Но отдельные части этого плана он изложил в некоторых своих диссертациях, а также в его публичных речах, главным образом на заседаниях Академии наук.

Уже в одной из своих ранних работ, «Элементы математической химии» (1741), Ломоносов предложил свою теорию строения вещества – из «корпускул» и «элементов». «Корпускула есть собрание элементов, образующее одну массу... Корпускулы однородны, если состоят из одинакового числа одних и тех же элементов, соединенных одинаковым образом... Корпускулы разнородны, когда элементы их различны и соединены различным образом или в различном числе; от этого зависит бесконечное разнообразие тел». На языке химии первой трети XX века то, что Ломоносов называл «элементом», – это атом, а «корпускула» – молекула. «Это

различие лежит ныне в основании всего стройного здания современной химии», – пишет Меншуткин (1937).

Большое значение имеют работы Ломоносова по геологии и минералогии. Геологическая жизнь Земли рассматривалась им в динамическом аспекте, как длительный и сложный физико-химический процесс. Ломоносов едва ли не первый оценил огромную роль организмов в образовании торфа, каменного угля и чернозема. Он собирался также написать «Российскую минералогию» и в 1763 году через Академию наук обратился к рудникам и заводам с требованием прислать в академию образцы различных руд и минералов. Большинство образцов поступило в академию уже после его смерти. Так было положено начало минералогической коллекции Академии наук.

В числе физических проблем, которые изучал Ломоносов, был вопрос об атмосферном электричестве и воздушных явлениях, связанных, по его мнению, с электричеством, в том числе северных сияний. «С 1743 года, – писал он позже, – редко пропущено северное сияние, мною виденное, без записки». Эти его записки до сих пор не потеряли своего значения (см.: *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 124).

Продолжая заниматься этими вопросами, Ломоносов наблюдал также грозовые явления, зарницы и хвосты комет. Ломоносов пришел к заключению, что все эти явления связаны с нисходящими и восходящими токами воздуха. С 1745 года начал изучать грозовое электричество также и коллега Ломоносова по академии физик Георг Вильгельм Рихман.

Приблизительно в это же время в Америке занялся свойствами электричества Бенджамин Франклин. Он поставил вопрос, наэлектризованы ли грозовые облака. Французский физик Далибар установил около Парижа высокий железный шест, изолированный деревянной подставкой. Во время грозы 10 мая 1752 года над шестом прошла гроза, шест наэлектризовался, из него пошли искры. В июне того же года, не зная об опытах Далибара, Франклин запустил под облака шелковый воздушный змей с прикрепленным к нему металлическим острием и пеньковой бечевой, за которую держали змей. На нижнем конце бечевы был привязан ключ, а к ключу шелковая веревочка, изолировавшая всю систему. Когда бечева намочила от дождя, то из ключа можно было извлекать искры (излагаю это по Меншуткину). В июле 1752 года Рихман построил у себя дома прибор, получивший название «громовая машина». Он продел железный прут длиной в 6 футов через бутылку с отбитым дном, к концу прута прикрепил железную проволоку и провел ее изолированно в комнату. К концу ее он подвесил железную линейку, а к линейке – шелковую нить. Когда электричество было в проволоке, нить отходила и «гонялась за пальцем». По примеру Рихмана сделал подобную машину у себя в квартире и Ломоносов.

26 июля 1753 года в первом часу дня в доме Ломоносова собирались сесть обедать. В это время поднялись громовые тучи. «Гром был нарочито силен, дождя ни капли». Ломоносов пошел к громовой машине посмотреть, что происходит. «Пока кушанье на стол ставили, – писал потом Ломоносов И. И. Шувалову, – дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла жена моя и другие... Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали... Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что щи простынут, а при том и электрическая сила почти перестала». Щи Ломоносову не пришлось попробовать – прибежал человек Рихмана с докладом, что «профессора громом убило». (Рихман в то же время, что Ломоносов, сидел у своей громовой машины.) Ломоносов сейчас же побежал на квартиру Рихмана, но тот уже был бездыханным. «Итак, он [Рихман] плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет».

Ломоносов исходатайствовал перед Шуваловым, чтобы вдове Рихмана была назначена пенсия в размере его жалованья.

Ломоносов интересовался и астрономическими явлениями. 26 мая 1761 года он наблюдал прохождение планеты Венеры по солнечному диску. Он заметил «тонкое, как волос» сияние, окружавшее часть диска Венеры, еще не вступившей на солнечный диск. Ломоносов объяснил это явление «преломлением лучей солнечных в Венериной атмосфере». Существование атмосферы на Венере было тогда неизвестно астрономам. Свое открытие Ломоносов опубликовал в мемуарах Академии наук. Тридцать лет спустя английский астроном Гершель вновь открыл «Венерину атмосферу».

В круг интересов Ломоносова входило и мореплавание. В своем «Рассуждении о большей точности морского пути» (1759) Ломоносов рассмотрел ряд теоретических вопросов мореплавания, указал лучшие способы определения широты и долготы на море и предложил ряд практических советов для мореходов. В 1763 году Ломоносов написал «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности проходу Сибирским океаном в восточную Индию». В этом сочинении Ломоносов установил направление движения льдов в Северном океане и пришел к выводу, что лучший путь для достижения Северного полюса проходит между Шпицбергом и Новой Землей.

Между другими своими опытами в химической лаборатории Ломоносов в 1749 году с увлечением занялся новым для него делом – мозаикой. В этом деле искусство связалось с химией цветного стекла, оптикой и техникой. Ломоносову пришлось выполнить тысячи пробных плавок, прежде чем овладеть техникой изготовления и компоновкой кусочков стекла в художественную мозаичную картину. Сохранилось двенадцать таких картин, выполненных в лаборатории Ломоносова (в том числе «Полтавская баталия»). В знак признания работ Ломоносова по мозаике Болонская академия наук избрала его своим почетным членом.

В 1752/53 учебном году Ломоносов прочел в академическом университете курс лекций по физической химии для более подготовленных студентов. Записалось на курс несколько студентов, из которых Ломоносов особенно одобрял Степана Румовского (о котором я дальше буду говорить особо). Лекции сопровождались показательными опытами.

В следующем году Ломоносов принял деятельное участие в учреждении Московского университета. Ломоносов был главным советником И. И. Шувалова в этом деле. Излюбленная мечта Шувалова, которую разделял и Ломоносов, была установить в России законченную систему народного образования, от низших школ до университетов. Академический университет сыграл большую роль в подготовке русских ученых, но это было замкнутое учреждение для специалистов, почти не связанное с общественной жизнью. Это не был «настоящий» университет.

Университет решено было открыть в Москве, находящейся в центре России. Туда всего легче можно было собрать достаточное количество учащихся. При университете постановлено открыть гимназию. Ломоносов всегда отстаивал принцип всеобщности обучения (чему и Шувалов сочувствовал). В студенты университета положено было принимать и дворян, и разночинцев. Но в отношении гимназии Шувалову пришлось сделать уступку нравам московского дворянства. Открыто было две гимназии – одна для дворян, другая для разночинцев. Крепостным крестьянам доступ и в гимназию и в университет был закрыт. Окончившие одну из гимназий поступали в университет по особому вступительному экзамену. И Шувалов и Ломоносов понимали, что для начала придется удовлетворяться университетом скромного масштаба в смысле количества профессоров и студентов и оборудования учебной и ученой части. Но оба они работали для будущего с твердой верой в него. Дело было организовано на следующих началах: университет не подчинен никакому иному присутственному месту, кроме Правительствующего сената, и ни от какого иного места не обязан принимать повелений.

Во главе университета стояло несколько кураторов. Главным из них был сам Шувалов. Университет делился на три факультета: юридический, медицинский и философский. На все факультеты предназначено было десять профессорских кафедр. Химия, натуральная история и анатомия преподавались на медицинском факультете; физика – на философском.

Для начала вместо десяти профессоров было назначено всего пять: двое русских и трое иностранцев. Русские были рекомендованы Ломоносовым: профессор элоквенции Поповский и математик Барсов. Иностранцев выписали по указанию Г. Ф. Миллера. К 1762 году число профессоров наконец было доведено до десяти (один из них – третий русский – математик Аничков). Дальше дело стало развиваться немного быстрее. В 1767 году был назначен профессором юридического факультета Семен Ефимович Десницкий, закончивший свою подготовку в Глазго под руководством Юма и Блэкстона. Десницкий может считаться украшением Московского университета XVIII века (умер в 1789 г.).

Ломоносов был универсальный гений. Его главной «утехой», как он иногда говорил, были физика и химия, но у него была и другая область творчества. Он явился создателем современного русского языка и в прозе и в поэзии. И именно в этой сфере он сразу заслужил признание и популярность в тогдашнем русском обществе.

До Ломоносова с половины XVII века в славяно-русской поэзии господствовало силлабическое стихосложение, возникшее под влиянием польского языка, совершенно русскому языку не свойственное. В своем письме «О правилах российского стихотворчества» (1739) Ломоносов убедительно показал, что русскому языку соответствует тоническое стихосложение. Его он и ввел в обиход русской поэзии.

Свое учение о литературных стилях Ломоносов основал на существовании в русском языке трех разрядов слов: 1) общеупотребительных в церковнославянском и русском; 2) книжных по преимуществу и 3) простонародных, исключая «презренные, подлые слова». Отсюда Ломоносов выводил три стиля: 1) высокий, из слов словено-российских – для героических поэм, од, прозаических речей о важных материях; 2) средний, но не надутый и не подлый, из словено-российских и русских – для стихотворных дружеских писем, сатир, эклог, элегий и описательной прозы; 3) низкий, из соединения среднего стиля с простонародными низкими словами, для комедий, эпиграмм, песен, прозаических дружеских писем и описаний обыкновенных дел.

Здесь следует заметить, что Ломоносов был создателем и современного русского научного языка, заложив правильные основания русской технической и научной терминологии. После петровских реформ русский технический и научный язык был совершенно засорен голландскими, немецкими и польскими словами. Ломоносов выработал следующие правила: 1) чужестранные научные термины надо переводить на русский язык; 2) оставлять непереуведенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначущее русское слово или когда иностранное слово получило уже всеобщее распространение; 3) в этом случае придавать иностранному слову форму наиболее свойственную русскому языку. Очень многие из научных терминов, составленные по этим правилам самим Ломоносовым, вошли во всеобщий обиход: «воздушный насос», «законы движения», «земная ось», «равновесие тел», «удельный вес» и т. д.

В 1748 году Ломоносов издал первую на русском языке «Риторику» с примерами, взятыми главным образом из своей собственной ораторской прозы. В 1755 году вышла в свет его «Российская грамматика», выдающийся научный труд по русскому языку. Грамматика выдержала 14 изданий и была переведена на немецкий, французский и новогреческий языки...

Едва ли не лучшая ода Ломоносова – «Вечернее размышление о Божьем величестве при случае великого северного сияния» (1743). Она проникнута глубоким чувством космоса.

Лице свое скрывает день,

Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном ветре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
<...>
Се в ночь на землю день вступил!

В 1749 году Ломоносов в торжественном собрании Академии наук произнес «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне», в котором, как и в некоторых одах, прославлял Петра Великого – насаждателя наук в России. Это «Слово» обратило внимание на Ломоносова при дворе, а в академии создало ему немало завистников, во главе которых стоял Шумахер. Но зато тогдашний фаворит Елизаветы, просвещенный вельможа Иван Иванович Шувалов (1727–1797), взял Ломоносова под свое покровительство и, более того, оценил мудрость Ломоносова и начал советоваться с ним по вопросам народного просвещения, а в 1755 году, как было уже сказано, привел в исполнение план Ломоносова о создании университета в Москве.

В «Похвальном слове» Елизавете Ломоносов упомянул о том, что одной из задач исторического департамента академии является написание русской истории. Елизавета и Шувалов возложили эту задачу на самого Ломоносова. Он охотно взялся за это дело, но не мог оторваться и от своих научных работ. Подготовка русской истории шла медленно. Шувалов торопил его и написал ему, что если другие занятия ему мешают, то их можно оставить. В начале 1755 года Ломоносов ответил Шувалову, что сам понимает необходимость сочинения русской истории, но что «оное великое дело... такого есть свойства, что требует времени... Что ж до моих в физике и химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения; для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался затем, что не нашел в них ничего, кроме скуки. И так уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение российской истории и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильярду употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменю материи вместо забавы, но

и движением вместо лекарства служить имеют, а сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой».

Ломоносов отстоял себя и, к счастью для науки, продолжал свои опыты по физике и химии. Но он, поскольку мог, выполнил свое обещание и относительно русской истории. Его «Краткий российский летописец» вышел в 1760 году, а первый (и единственный) том «Древней российской истории» (до 1754 года) – в 1766 году, уже после смерти автора. (Ломоносов умер 4 апреля 1765 года.) «Древняя российская история» была переведена на немецкий язык, а с него на французский; «Краткий летописец» появился в английском и немецком переводах.

По существу о Ломоносове как историке я скажу ниже в связи с трудами Миллера и Шлецера.

Новейшее полное собрание сочинений Ломоносова было издано в Москве в десяти томах в 1950–1957 годах.

III

В 1748 году был вызван в академию Степан Яковлевич Румовский (1732–1815), сын священника, для поступления в академическую гимназию при Академии наук, а оттуда студентом в академический университет. Для завершения своей подготовки к наукам Румовский ездил к Эйлеру в Берлин. В 1752/53 году, как было уже упомянуто, он прослушал курс Ломоносова по физической химии. В 1760 году Румовский был назначен преподавателем математики академическим студентам, а через несколько лет – профессором астрономии. В течение 30 лет он редактировал ежегодное издание астрономических календарей. В 1761 году он был командирован в Селенгинск для наблюдения прохождения Венеры через солнечный диск (того самого, которое Ломоносов наблюдал в Петербурге). Наблюдения над этим прохождением Венеры велись также и во Франции и в Англии. Получились разногласия в некоторых данных. Английский вычислитель определил солнечный параллакс (угол, составленный линиями, идущими от наблюдаемого светила к центру Земли и к наблюдателю) в 8,5", а французский – в 10,5". Эта разница ставила под сомнение методы наблюдения и математический аппарат для обработки данных наблюдения.

В 1769 году Петербургская академия по совету Эйлера поставила себе задачей проверить и усовершенствовать методику наблюдения и приемы математического анализа. Была организована грандиозная экспедиция. Наблюдательные материалы должны были доставить несколько русских ученых, в числе которых был и Румовский. Все руководство математической обработкой данных наблюдений взял на себя Эйлер. Наблюдательные пункты были расположены в далеко отстоящих друг от друга местах. Румовский командирован был в Колу, П. Б. Иноходцев и Г. Ловиц – в крепость Гурьев в устье реки Урал (тогда еще называвшейся Яик).

По вычислениям Румовского, средний солнечный параллакс выражался величиною не более 8,62". По другому исчислению – 8,67". Таким образом, французское вычисление было отвергнуто.

Во время своих путешествий Румовский определял географическое положение многих мест в России, а позже (1786) напечатал первый каталог астрономических пунктов в России. В 1800 году он был назначен вице-президентом Академии наук. Помимо своих работ по математике и астрономии Румовский перевел с латинского на русский язык «Анналы» римского историка Тацита. Перевод этот в свое время считался классическим.

Когда в 1804 году был учрежден Казанский университет, Румовский был назначен его попечителем. Сам математик и астроном, Румовский пригласил из Германии в новый университет выдающихся профессоров для этих предметов.

IV

Знаменательным рубежом в истории русской науки оказался 1768 год. В этом году Академия наук организовала ряд экспедиций для всестороннего исследования природы и населения России. Труды их составили эпоху в развитии географической науки. Экспедиции были хорошо задуманы и оборудованы, и во главе их поставлены выдающиеся ученые. Экспедиции эти продолжались шесть лет (до 1774 года). Для руководства экспедицией Академия наук наметила талантливого немецкого натуралиста энциклопедических знаний Петра Симона Палласа (1741–1811). Его основной специальностью была зоология, но он постепенно расширил свой научный охват и включил в курс своих изучений ботанику, геологию, палеонтологию, минералогию, географию, этнографию и языкознание.

В 1767 году он был избран членом Академии наук и переселился из Берлина в Петербург. Академия наук предложила ему прежде всего разработать план экспедиции и составить инструкцию участникам, для чего ему разыскали в архиве академии инструкцию, составленную Г. Ф. Миллером для участников Сибирской экспедиции 1733–1742 годов. Эта инструкция оказалась очень полезной для Палласа.

Важнейшие цели экспедиции изложены были Палласом в трех пунктах: 1) изучение народностей, населяющих Россию, их обычаев и обрядов; 2) исследование природы страны – сбор коллекции минералов, растений и животных; 3) изучение способов обработки и пользования естественными произведениями – работы в рудниках, горных заводах, соляных копиях, изучение условий сельского и лесного хозяйства. Экспедиция была разделена на два главных отряда. Во главе одного стал сам Паллас; во главе другого – адъютант Академии наук Иван Иванович Лепехин (1740–1802).

Сын солдата, Лепехин был принят в академическую гимназию в 1751 году. К тому времени он уже был грамотен. В 1760 году он сделался студентом академического университета. В это время общее заведование учебной частью в академии принял Ломоносов, под влиянием которого и начали складываться научные интересы Лепехина. Через два года Лепехин был послан в Страсбург, где занимался главным образом медициной. Из Страсбурга Лепехин переписывался с Ломоносовым, который предназначал его для занятия кафедры ботаники в академии. Получив в Страсбурге ученую степень доктора медицины, Лепехин в 1767 году вернулся в Петербург и был назначен адъютантом академии.

К Палласу было прикомандировано двое русских ученых – В. Ф. Зуев и Н. П. Соколов (в то время Паллас еще не овладел русским языком). В помощь Лепехину придано было три академических студента – А. Лебедев, Т. Мальгин и Н. Озерецковский. Оба отряда были прекрасно оборудованы и снабжены всем необходимым. При каждом состояли рисовальщики, чучельщики и стрелки («для стреляния птиц и животных»).

Маршруты обоих отрядов были так составлены, что они то сближались, то расходились. Оба отряда начали с Поволжья и Прикаспия, а потом направились в Приуралье. За Урал Лепехин дошел только до Тюмени. Паллас пошел дальше – на восток через всю Сибирь до Монголии. Лепехин из Тюмени перевалил через Северный Урал и спустился по Северной Двине к Белому морю. Больше года он исследовал Белое море и Архангельский край. Отряд Лепехина вернулся в Петербург в декабре 1772 года. В 1773 году по предложению академии Лепехин совершил еще путешествие по Белоруссии. В 1771 году еще не возвратившийся из путешествия Лепехин был избран членом Академии наук.

В своем путевом дневнике Лепехин талантливо описал свои наблюдения не только над природой тех местностей, где проходил, но и над жизнью населения, промыслами, социальными отношениями. Лепехин собрал много ценных материалов по ботанике, экономической

жизни, этнографии. Главный труд Лепехина – «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» в четырех томах (1771–1805).

Еще большее значение имели материалы и коллекции, привезенные Палласом, – ценные сведения по географии, зоологии, ботанике, геологии, этнографии и археологии. Говоря словами Л. С. Берга (1929), отчеты об экспедиции Палласа «до сих пор еще служат сокровищницей, из которой продолжают черпать последующие исследователи».

В 1793 и 1794 годах Паллас совершил два путешествия в Крым и подробно описал их. Палласу так понравился Крым, что ему захотелось там поселиться. Узнав об этом, Екатерина подарила ему дом в Симферополе и два имения. В 1810 году Паллас вернулся в Берлин и через год там умер.

Паллас был неутомимый писатель. Список его работ, составленный его биографом Ф. Л. Кеппеном, занимает более тридцати убогих страниц (Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Апрель). Укажу здесь только русский перевод описания Палласом его экспедиции 1768–1774 годов – «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (три тома, 1773–1788).

V

Состояние и развитие русского естествознания в последней четверти XVIII века менее изучено, чем за предыдущий период.

Академия наук оставалась главным средоточием русских ученых. В Московском университете естествознание в это время было представлено слабо. Математику преподавал талантливый Аничков. Он написал и напечатал первый на русском языке «Курс чистой математики».

Медико-хирургическая академия была открыта в Петербурге только в самом конце XVIII века (1799).

Среди русских ученых в конце XVIII века людей калибра Эйлера и Ломоносова не было, но многие из них были очень способные люди. Важно, что семья ученых разрасталась и появилась ученая среда, в которой могли обсуждаться научные вопросы. Росла и научная литература. Знаменательно, что это ученое сообщество не было изолировано. Интерес к науке проявлялся и в других кругах русского общества.

Число образованных людей в России неуклонно росло.

В начале 1770-х годов историк князь М. М. Щербатов сделал любопытный подсчет по этому вопросу. Он считал, что «дворян, офицеров чужестранных и других чиновных людей» было тогда в России около 50 тысяч. В регулярной армии было около 5 тысяч офицеров. Получается более или менее образованных людей 63 тысячи человек. Т. И. Райнов к этому прибавляет от 5 до 10 тысяч человек, не учтенных Щербатовым, – духовенства, разночинцев, купцов и т. д. Получается от 70 до 75 тысяч читателей.

Цифры Райнова явно преуменьшенные. К ним надо прежде всего прибавить численность духовенства. Духовенство было самым грамотным сословием. Число духовных школ в XVIII веке неуклонно возрастало. В 1762 году их было 26 с общим числом учащихся 6 тысяч. В 1783 году в духовных школах училось уже 11 тысяч человек.

Что касается купечества, по данным 4-й ревизии (переписи окладного населения) 1783 года, разработанным академиком Шторхом, купцов в России было 107 тысяч. К концу царствования Екатерины II число купцов достигло 240 тысяч.

Из них, особенно из тех, которые жили в Петербурге и Москве, значительное число было грамотно. Таким образом, общее число образованных людей в России в конце царствования Екатерины надо считать не меньше как 100–150 тысяч человек.

И Щербатов и Райнов, очевидно, ведут счет только мужчинам. Между тем среди дворянства, духовенства и многих разночинцев были также и образованные женщины. Далее, данные

Щербатова относятся к началу 1770-х годов, а к концу века число образованных должно было сильно увеличиться. Конечно, только небольшая часть интересовалась науками, но и то можно предполагать, что контингент читателей научных книг был для того времени немалый.

Среди дворянской знати появились люди, сами занимавшиеся наукой или собиравшие богатые научные коллекции – так называемые кабинеты натуральной истории.

П. Г. Демидов (1738–1821) получил образование в Геттингенском университете и Фрейбергской академии. Находился в переписке с Бюффеном и Линнеем. Занимался математикой, физикой, химией, минералогией, ботаникой и зоологией. Составил большую естественно-историческую коллекцию, которую в 1802 году подарил Московскому университету. Князь А. А. Урусов издал в 1780 году «Опыт естественной истории».

Дипломат князь Д. А. Голицын (1734–1803) занимался опытами по электричеству и защищал вихревую теорию электричества и магнетизма. В 1768 году он был назначен посланником в Гаагу и там оставался до конца жизни. Был избран председателем Иенского минералогического общества, которому завещал свой богатый минералогический кабинет. Был также членом петербургского Вольного экономического общества, в «Трудах» которого напечатал несколько статей. Граф Г. К. Разумовский был известен своими работами по минералогии. Богатый физический кабинет Д. П. Бутурлина был куплен в 1802 году Медико-хирургической академией. Коллекции княгини Е. Р. Дашковой были пожертвованы в 1807 году Московскому университету.

К концу XVIII века русская продукция ученой литературы (на русском и иностранных языках) в области физико-математических наук заметно возросла. Согласно подсчетам Райнова, за десятилетие (1771–1780) была напечатана 41 книга в этой области (из них 16 переводных); за следующее десятилетие – 121 книга (из них 56 переводных); за десятилетие (1791–1799) – 112 книг. Приблизительно в этой же пропорции возрастало и количество специальных научных статей в специальных журналах Академии наук.

В отношении методов исследования в последней трети XVIII века выявилось две тенденции: одна, шедшая от Ломоносова, другая – от Эйлера.

Для эйлеризма характерна тенденция ставить и решать некоторые вопросы естествознания средствами одного математического исследования. Эйлер готов был принять во внимание результаты интересного для него эксперимента как бы в абстрактном и идеализированном виде, изучая его с помощью средств математического анализа. Непосредственной экспериментальной ценности этот метод не имел, но впоследствии оказался полезен для анализа физической действительности.

От Ломоносова пошла другая традиция – неразрывной связи теории с экспериментальными данными. Математике он также придавал большое, но не исключительное значение.

Подведем итоги: труды русских и иностранных ученых в России XVIII века заложили незыблемое основание для дальнейшего развития русской науки.

VI

От естествознания обратимся теперь к наукам историческим.

Трое выдающихся ученых, выписанных из Германии, положили начало русской исторической науке в современном смысле этого слова – Готтлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705–1783) и Август Людвиг Шлецер (1735–1809).

Байер был в составе первого призыва иностранных ученых, приглашенных стать членами Петербургской академии наук. Он окончил Кёнигсбергский университет и еще со студенческой поры начал изучать восточные языки – китайский и семитские. Русского языка он не знал и даже не старался ему научиться. Русскими летописями он пользовался в латинском переводе. Но он хорошо знал византийские и скандинавские источники. Байер занимался только древ-

нейшим периодом русской истории – до IX века включительно. Он написал серьезное исследование о варягах и начале Руси и о первом походе руссов на Константинополь. С помощью В. К. Тредиаковского (1703–1769) ему удалось определить значение славянских названий Днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». Этими трудами Байера потом пользовались и Шлецер, и русский историк Татищев.

Байер может считаться основателем скандинавской (норманнской) теории о происхождении Русского государства.

Миллер, как и Байер, был выписан в Петербург в 1725 году, но не как профессор академического университета, а как студент (ему было в это время двадцать лет). В противоположность Байеру Миллер сразу начал учиться русскому языку. Первые годы по приезде Миллер преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Не позже 1730 года он заинтересовался историей и географией Сибири. Он изучил знаменитую книгу голландского ученого Витзена «Северная и Восточная Татария» (первое издание 1692 г., второе – 1705 г.; Миллер пользовался обоими). В 1731 году Миллер был назначен членом Академии наук и профессором академического университета. В 1732–1733 годах были напечатаны первые работы его по истории Сибири.

В это время были уже в разгаре приготовления к большой Сибирской экспедиции – той, в которой участвовал и Крашенинников. Экспедиция была организована совместно Сенатом и Академией наук. Участниками ее, кроме Крашенинникова, были назначены два академика – астроном Делиль и натуралист Гмелин.

Миллер также стремился ехать. Случай помог ему – Гмелин заболел. Обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов, «великий рачитель и любитель наук», разрешил Миллеру ехать в Сибирь вместо Гмелина. Последний довольно скоро выздоровел. Сенат разрешил и ему ехать в экспедицию.

Миллера сопровождало несколько помощников-студентов. Главной задачей Миллера было описание архивов сибирских городов и снятие копий с возможно большего количества исторических материалов в каждом архиве. Но Миллер попутно собирал также сведения по языковедению, экономике, этнографии и археологии, а также составлял «ведомости» о городах и уездах Сибири.

При этом Миллер проявил не только свою необыкновенную трудоспособность, но также твердость и настойчивость в добывании нужных ему сведений от местной администрации. Миллер начал свою поездку с Тобольска, тогда столицы Сибирской губернии, куда он прибыл в конце января 1734 года. Как он позже вспоминал, он сам еще не знал, что ему нужно требовать от сибирского губернатора и о чем спрашивать. Для этого у него не было опыта, который он приобрел уже практикой.

За немногими исключениями, сибирские архивы находились в полном беспорядке. Существовавшие «реестры» дел были неполными. Миллеру пришлось составлять (или требовать составления) новых описей. Сам он проделал колоссальную работу, разбирая архивные книги и столбцы по годам и отмечая для своих помощников или местных писцов, с каких документов надо снять копии. К концу 1736 года Миллер добрался до Якутска, откуда вернулся в Иркутск. К этому времени он переутомился (заболел «ипохондрической болезнью») и на Камчатку с Крашенинниковым уже не мог ехать. На смену ему академия послала Иоганна Эбергарда Фишера (1697–1771), о чем Миллер получил извещение в Енисейске летом 1739 года. С Фишером Миллер встретился в Сургуте (Тобольской губернии) в июне 1740 года. Миллер дал ему указания для собирания материалов, обещав прислать подробную инструкцию из Тобольска. Эту инструкцию Миллер послал Фишеру 13 декабря 1741 года. Другой экземпляр Миллер послал в Сенат.

Эта тщательная и хорошо продуманная инструкция представляет собой, по выражению А. И. Андреева, «большую научную работу». Инструкция была рассчитана на ученого более

крупного размаха, чем Фишер. Видимо, тот не обратил на нее никакого внимания. Позже ею как руководством воспользовался Паллас.

Миллер оставался еще два года в Сибири (главным образом в Тобольске) и осматривал архивы в нескольких городах, но в то же время начал уже писать свою «Историю Сибири». Что касается личной его жизни – в Верхотурье он женился (1742). Вернулся в Петербург 14 февраля 1743 года.

Миллер привез из Сибири громадное количество архивных и других материалов, составивших богатейший фонд для научного изучения русской истории.

В академии Миллер был встречен враждебно Шумахером и некоторыми другими недоброжелателями, в том числе Фишером, когда тот вернулся в Петербург в 1750 году.

Начались всякие дразги.

В 1748 году Миллер принял русское подданство и получил звание историографа с обязательством сочинить «генеральную российскую историю».

Дело об издании «Истории Сибири» затянулось. Миллер написал ее по-немецки. Переводчик, которого ему подыскивали, оказался плох. Нашли другого, перевод которого был приемлем. Перевод этот Шумахер разослал нескольким лицам, в частности русскому историку В. Н. Татищеву. Тот дал благоприятный отзыв. «С великим моим удовольствием, – писал он Шумахеру, – присланное от Вас начало Сибирской истории прочитал... Сие есть начало русских участных [областных] историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойное в ней».

Первый том «Истории Сибири» Миллера был наконец напечатан в 1750 году. Следующие два тома оставались еще в рукописи. Находя, что Миллер затягивает писание книги, академия поручила Фишеру писать продолжение ее. «Сибирская история» Фишера (напечатана по-немецки в 1768 г., в русском переводе в 1774 г.) есть не продолжение Миллера, а сокращенный пересказ сочинения Миллера (как напечатанного первого тома, так и части, оставшейся в рукописи).

Миллер перестал писать продолжение истории Сибири и занялся подготовкой писания русской истории. Он был одним из первых русских ученых, заинтересовавшихся более поздними этапами русской истории. Среди его трудов есть «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах российских».

В 1765 году указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем новоучрежденного в Москве воспитательного дома с оставлением за ним звания историографа. Как Миллер сам написал в автобиографии, принял он эту должность «в уповании, что при том возможно мне будет пользоваться московскими архивами для российской истории, о чем я и был обнадежен».

Ввиду переезда в Москву Миллер просил академию разрешения взять туда все привезенные им из Сибири архивные материалы. Просьба его была удовлетворена. Уже в 1766 году он был уволен из воспитательного дома и назначен «членом государственной коллегии иностранных дел при московском архиве». Через год Миллер был назначен начальником архива.

Миллер поставил себе целью сделать из архива научное учреждение. Он создал целую школу ученых архивариусов: Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. В этот архив Миллер положил и свои «портфели», среди которых было тридцать фолиантов актов, списанных из сибирских архивов.

Но заняться писанием «русской истории» Миллер был уже не в силах. В 1767 году он написал Екатерине II, что рекомендует ей для этой задачи князя М. М. Щербатова.

В 1772 году Миллер был поражен параличом, но тем не менее продолжал неустанно работать до самой своей смерти (1783).

Миллер заложил прочный фундамент для занятий русской историей, собрав громадное количество актового архивного материала и показав необходимость на нем основывать иссле-

дование русской истории. Несколько поколений русских историков и издателей документов по русской истории пользовались сокровищами миллеровских «портфелей».

Шлецер положил начало критическому изучению текста русских летописей.

В Россию Шлецера забросил случай. Еще будучи студентом Гёттингенского университета, Шлецер заинтересовался библейским Востоком, для чего хотел поехать в Палестину. На это у него, однако, не было денег. Он тогда решил отправиться в Петербург, надеясь там заработать денег и оттуда пробраться на Восток.

В 1760 году Шлецер написал Миллеру о своем намерении приехать в Петербург и просил Миллера помочь ему устроиться при академии. Миллер предложил ему место домашнего учителя для своих детей и помощника по изданию серии трудов по русской истории (*Sammlung Russischer Geschichte*) с жалованьем 100 рублей в год. Шлецер ухватился за это предложение и приехал в Петербург. Сразу по приезде Шлецер начал изучать церковнославянский и русский языки.

Довольствоваться скромным положением в доме Миллера и быть помощником в его научной работе Шлецер не намеревался.

Себя он считал уже сложившимся ученым, а Миллера невеждой. Шлецер сблизился с секретарем академии Таубертом – врагом Миллера – и через него получил должность адъюнкта академии.

Уйдя от Миллера, Шлецер занялся изучением русской истории. Актового материала русской истории Шлецер почти не касался. «Если мне только верно сообщили, – говорит он, – древнейший акт, до сих пор не найденный, принадлежит Андрею Боголюбскому, который умер в 1158 году». (Андрей был убит в 1174 г.) Шлецер сосредоточился на изучении русских летописей. Тауберт передал ему рукописный немецкий перевод начальной летописи, сделанный монахом Александро-Невской лавры Адамом Селлием, датчанином по происхождению.

Шлецер сделал себе конспект перевода, а затем научился читать «Повесть временных лет» в оригинале, сравнивая несколько списков (в числе их некоторые – в составе поздних летописных сводов). Шлецер сразу же заметил зависимость начальной летописи от византийских источников. Тут Шлецер создал свою гипотезу, что разночтения в летописных списках произошли главным образом из-за ошибок невежественных переписчиков. На этой гипотезе он и основал дальнейшую свою работу над критикой летописного текста. Цель, которую он себе поставил, – восстановить первоначальный текст «очищенного Нестора».

Не удовлетворенный своим положением в Петербурге, Шлецер решил в 1764 году вернуться в Геттинген. По личному повелению Екатерины II Шлецер был назначен ординарным академиком с жалованьем 860 рублей в год.

Вместе с тем императрица разрешила выдать ему заграничный паспорт. Контракт был подписан до 1770 года. По возвращении в Гёттинген Шлецер получил кафедру философии в тамошнем университете. В 1769 году он издал пробный лист летописи с латинским переводом и разноречиями (*Probe Russischer Annalen*). После этого Шлецер был назначен почетным академиком с пожизненной пенсией. К нему иногда посылали для занятий молодых русских ученых. Немаловажное влияние оказал Шлецер на Карамзина. Когда в 1804 году было основано в Москве Общество истории и древностей российских, Карамзин и Шлецер были избраны почетными членами.

Шлецер вернулся к русским летописям только в конце жизни, написав книгу, которую он озаглавил «Нестор». В ней он развил прежние свои взгляды на русское летописание и древний период русской истории. Книга была издана по-немецки в четырех томах в 1802–1805 годах и посвящена Александру I. Русский перевод появился в трех томах в 1809–1810 годах.

Несмотря на то что Шлецер шел по ложному пути, книга его имела громадное положительное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. Важен был самый факт

внесения каких бы то ни было критических приемов в изучение летописных текстов. На этой основе и процвела в дальнейшем эта отрасль русской исторической науки.

Четвертым академиком, занимавшимся русской историей, был Ломоносов. Его задачей было написать хорошим слогом популярную историю России, чтобы показать в противовес Байеру и Шлецеру, что русские уже на заре их истории сумели создать свое государство и что они не были дикари. Подход Ломоносова к его историческому труду был, таким образом, литературный и патриотический. При этом естественно, что Ломоносов выступил против норманнской теории.

Чтобы понять его взгляды, надо вспомнить, как описывал Шлецер культурный уровень Руси IX–X веков. «Конечно, – писал Шлецер, – люди тут были Бог знает с каких пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса».

В противоположность такого рода взглядам немцев-норманистов Ломоносов заявил во вступлении к своей «Древней российской истории»: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние (т. е. иностранные) писатели». В этом вопросе, как показали дальнейшие исследования русской истории, особенно конца XIX и XX века, Ломоносов был прав.

Ценными чертами книги Ломоносова историк С. М. Соловьев считает умелое использование автором известий иностранных источников о славянах и Руси, а также вдумчивое сближение древнерусских языческих верований с современными Ломоносову простонародными обычаями, играми и песнями.

Другой труд Ломоносова – «Краткий российский летописец» – представляет собой сжатый очерк русской истории от древнейших времен до Петра Великого включительно. Очерк начинается историей происхождения русского народа, затем сообщаются главные события каждого царствования. К этому приложена родословная таблица российских государей. В эпоху Екатерины II «Краткий российский летописец» служил школьным учебником русской истории.

VII

Перейдем теперь к трудам В. Н. Татищева, князя М. М. Щербатова и И. Н. Болтина.

Ни один из них не был профессиональным ученым, и тем не менее вклад каждого в русскую историческую науку был очень значителен.

Василий Никитич Татищев (1686–1750), младший современник Петра Великого, был одним из талантливых дельцов, выдвинутых Петровской эпохой. Он занимал ответственные посты на государственной службе (последняя его должность – астраханский губернатор). Изъездил всю Россию и основательно ознакомился с ее экономикой, управлением, этнографией и условиями народной жизни.

Татищев был сыном псковского помещика. О ранних годах его жизни почти ничего не известно. В молодости он учился артиллерийскому и инженерному делу в Артиллерийской академии под руководством одного из самых просвещенных сподвижников Петра – Якова Вилимовича Брюса (1670–1735). Татищев деятельно участвовал в русско-шведской войне. Побывал в Германии (1713–1714) и вывез оттуда много книг, положивших начало его богатой библиотеке.

В 1717 году Татищев был командирован Петром в Гданьск для переговоров о выплате городом наложенной на него контрибуции.

В том же году Татищев участвовал в Аландском конгрессе представителей России и Швеции для переговоров о заключении мира. Татищев состоял при Брюсе, одном из двух русских уполномоченных. Сговориться о мире не удалось, и конгресс разъехался.

В 1719 году Петр хотел поручить Брюсу составление подробной географии России. Брюс был в это время по горло занят (он был сенатором и президентом Берг- и Мануфактур-коллегий) и вместо себя рекомендовал Петру Татищева.

Татищев представил Петру докладную записку о плане своей работы, которую Петр одобрил. Уже в это время Татищев увидел, что ввиду неразработанности истории России ему необходимо будет изучать совместно и географию и историю Русского государства. Петр выдал ему из своей библиотеки «Древнюю Нестерову летопись», которую Татищев скоро списал.

В начале 1720 года Брюс командировал Татищева на Урал для устройства горных заводов. Дело было ответственное и хлопотливое. Тем не менее Татищев сумел найти время для собирания исторических и географических материалов. Он нашел еще список «Нестеровой летописи» и, сверяя его со своей копией, обнаружил значительную «разность», что побудило его продолжать поиски. В это время он начал уже вырабатывать план своей «Истории Российской».

Прибыв в начале 1722 года в Петербург, Татищев показал Брюсу и архиепископу Феофану Прокоповичу план своей истории и просил их помочь нужными ему книгами, часть которых имелась в Петербурге, а часть была выписана для него из Германии.

В декабре того же года Татищев опять был послан на Урал и в Зауралье, как помощник главного директора «Сибирских заводов» В. И. Геннина. В конце 1723 года Татищев был вызван в Петербург с докладами Геннина и там остался.

В ноябре 1724 года Петр послал Татищева в Швецию «для некоторых секретных дел». Он должен был ознакомиться с положением в Швеции горного и монетного дела и мануфактур, нанимать на русскую службу разных мастеров, «стараться о помещении русских в учение горному делу и смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оного государства».

Татищев не преминул воспользоваться поездкой в Стокгольм и для своих научных интересов и вошел в сношение со шведскими историками, указавшими ему на существование важных для русских историков скандинавских саг еще языческого периода. Ему помогло, что еще ранее в Сибири он познакомился с некоторыми сосланными туда военнопленными шведами, в том числе с полковником Табортом, который путешествовал по всей Сибири, собирая материалы для ее описания. Вернувшись в Швецию после окончания войны, он был возведен в дворянство под фамилией Страленберг. Когда Татищев встретил его опять в Стокгольме, Страленберг готовил к печати (по-немецки) свою книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии». В марте 1734 года Татищев был назначен главным начальником горных заводов Сибири и Пермского края. В данной ему инструкции был особый пункт об изучении всего обширного края, в котором находились заводы. По всей вероятности, этот пункт был внесен по совету самого Татищева. Вскоре после прибытия в Екатеринбург Татищев составил вопросник (анкету), которую по его просьбе сибирский губернатор из Тобольска разослал во все сибирские города. Поступление ответов шло медленно, некоторые ответы были слишком кратки, но все же у Татищева накопилось достаточно сведений, чтобы начать составлять «Общее географическое описание всея Сибири». Труд этот остался незаконченным. Вместо того Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России». Работа шла медленно из-за недостатка известий, поступивших в ответ на его анкеты.

Татищев успел написать только общее введение. Многие из своих материалов и писаний Татищев посылал в Академию наук. Далеко не все это сохранилось (вероятно, не все еще найдено).

В своей совокупности эти труды Татищева имеют большое значение для развития русской географической науки. В 1950 году А. И. Андреев опубликовал «Избранные труды Татищева по географии России» отдельным сборником.

Одновременно с собиранием географических сведений и своей административной службой Татищев продолжал и писание «Истории Российской». Закончил он ее в 1746 году. Через два года он составил вторую редакцию своего труда. В этой редакции она и была издана в пяти томах уже после смерти автора. Первые три тома были напечатаны Г. Ф. Миллером (1768–1774); четвертый том появился в 1784 году, а пятый – только в 1849 году.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук предприняло новое издание Татищева и после длительной подготовки выпустило его в свет в семи томах (1962–1968). В редакции этого издания и в ряде пояснительных статей в отдельных томах приняли участие такие видные историки и археографы, как А. И. Андреев, С. Н. Валк и М. Н. Тихомиров. В новом издании приняты во внимание обе редакции татищевского труда, что очень важно, особенно для второй части (от начала Руси до Батыева нашествия 1238 года). В этой части Татищев несколько «подновил», а в некоторых местах распространил изложение древнего текста летописей. Между тем для историков совершенно необходимо было ознакомиться с первой редакцией, сохранившей точную передачу Татищевым своих источников. Многие из этих источников не сохранились, так что вторая часть татищевской «Истории Российской» является для нас как бы первоисточником.

Теперь этот пробел восстановлен. В новом издании татищевского труда вторая редакция напечатана во втором и третьем томах, а первая – в четвертом томе. В следующих томах даются, где надо, варианты и разночтения для дальнейших времен.

Основным источником Татищеву служили летописи, включая и поздние летописные своды, Хронограф, Степенная книга и сочинения князя А. М. Курбского и Авраамия Палицына. Кроме того, некоторые юридические источники, в особенности Русская Правда XI–XII веков и Судебник 1550 года, которые он сам открыл в 1730-х годах. Татищев переписал Русскую Правду (из списка Новгородской летописи конца XV века) и, снабдив переводом и примечаниями, представил в Академию наук. Издана была Русская Правда Шлецером (по рукописи Татищева) в 1767 году. Рукопись Судебника Татищев поднес императрице Анне Иоанновне, а снятую им копию передал в Академию наук. С этой копии Судебник был издан Г. Ф. Миллером в 1768 году.

В предисловии к своему труду Татищев разделяет ход русской истории на четыре периода: 1) древнейший (до 860 г.), в котором действовали скифы, сарматы и славяне; 2) от 860 года до нашествия татар в 1238 году; 3) от пришествия татар до свержения их власти «первым царем Иваном Великим» (Иван III); 4) от Ивана III до избрания на престол Михаила Федоровича Романова. Этого деления на периоды держались в общем все последующие русские историки.

В черновой рукописи остались у Татищева материалы о царствовании Федора Алексеевича и правлении царевны Софьи. Эти материалы напечатаны в седьмом томе нового издания.

У Татищева не было специальной подготовки к ученому труду, но у него была широта кругозора и глубокое чувство связи прошлого с настоящим. Он вносит в понимание прошлого свой личный жизненный опыт. Так, он объясняет смысл московского законодательства обычаями судебной практики его времени и воспоминаниями о нравах конца XVII века. Приобретенное им на государственной службе личное знание жизни инородцев (калмыков, башкир, татар) помогло ему уяснить древнюю этнографию России.

В своем общем мировоззрении Татищев может быть назван утилитаристом. Основой его взглядов была модная в то время теория естественного права и естественной морали. Свое миросозерцание Татищев изложил в сочинении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».

Этот «Разговор» написан под влиянием основателя теории естественного права Самуила Пуфендорфа и «Философского словаря» протестантского богослова Иоанна Георга Вальха. «Естественный закон» не противоречит «закону Божественному», так как «желание благопо-

лучия в человеке от Бога вкорено есть». Разумное удовлетворение потребностей и есть добродетель. Для нашего благополучия нам нужна любовь и помощь других, потому мы «должны любовь к другим заимодательно изъавлять».

Природные силы ума надо развивать наукой. «Главная наука есть чтобы человек мог себя познать». Нужные для человека науки включают «телесное», «политическое» и «душевное» самопознание (медицина, экономика, законоучение, логика, богословие). Историю Татищев понимал как народное самопознание.

VIII

Преемником Миллера в звании российского историографа был князь Михаил Михайлович Щербатов. Князья Щербатовы происходили от Михаила Черниговского и были отраслью князей Оболенских. Михаил Михайлович был пропитан чувством достоинства своего аристократического происхождения.

Взгляды свои он развил в выступлениях на заседаниях Екатерининской комиссии для составления нового уложения (1767–1768), куда он был выбран депутатом от ярославского дворянства. Щербатов восстал там против законов Петра, согласно которым доступ в дворянство был открыт выслугой по государственной службе. Щербатов старался доказать, что дворянство пошло от предков, отличившихся доблестями на пользу отечества. Эти доблести сделались наследственными качествами дворянского сословия. Это исторически воспитанное сословие и должно стать во главе народа. Щербатов возражал также против приписки крестьян к горным заводам и требовал, чтобы только дворяне могли владеть крепостными крестьянами.

Речи Щербатова были восторженно встречены большинством депутатов от родовитого дворянства, но вызвали яростные возражения со стороны дворян, достигших дворянства службой, а также со стороны депутатов от купечества и крестьян.

Интерес Щербатова к истории своего рода и вообще знатных дворянских родов выразился в собирании им сведений по истории дворянства в России – еще до того, как он начал писать свою «Историю Российскую». Это уже дало ему некоторые знания по русской истории.

В государственной службе Щербатов пошел по гражданскому ведомству. Был одно время герольдмейстером, потом президентом камер-коллегии и, наконец, сенатором.

К писанию русской истории Щербатов приступил не раньше 1767 года. Екатерина дала ему разрешение брать нужные для работы материалы из патриаршей и типографической библиотек, которые были главным хранилищем летописных списков, а также пользоваться документами московского архива Коллегии иностранных дел.

Несмотря на обязанности Щербатова по государственной службе, дело писания истории пошло быстро. К середине 1769 года он уже окончил два первых тома, дойдя до монгольского нашествия 1238 года (напечатаны в 1770–1771 гг.). Дальнейшие тома следовали с небольшими промежутками. Последние два – четырнадцатый и пятнадцатый – напечатаны уже после смерти автора. Изложение русской истории Щербатову удалось довести до свержения с престола царя Василия Шуйского (1610).

«История» Щербатова – первое в русской историографии подробное прагматическое изложение хода русской истории. Труд Щербатова некоторые современники подвергли строгой критике, указывали на ошибки, но это не разрушает его выдающегося положения в русской историографии XVIII века. Слабее всего были первые тома, основанные главным образом на летописях. Но по мере того, как изложение Щербатова основывается на все более обильном актовом материале, возрастает и ценность его труда.

Основная точка зрения Щербатова на историю может быть названа рационалистическим прагматизмом. Ход событий объясняется как результат сознательной деятельности правящих личностей, подчиняющих своей воле волю массы.

«Хотя, конечно, должность всякого государя есть – наиболее всего пользу и спокойствие своих народов наблюдать, но, к несчастью рода человеческого, история света нам часто показывает, что благо государства был только вид, прямая же причина деяний – или славолубие, или собственное какое пристрастие государей».

Третий выдающийся русский историк XVIII века, Иван Никитич Болтин, родился в 1735 и умер в 1792 году. Происходил из старинной дворянской семьи. Первоначальное образование получил дома. Служил в армии. В 1768 году вышел в отставку с чином премьер-майора и одно время служил по гражданскому ведомству. Последняя его должность – член Военной коллегии с чином генерал-майора.

Болтин начал писать о русской истории только к концу своей жизни, но начал думать о ней и собирать сведения с раннего возраста. У него было не менее сильное, чем у Татищева, врожденное чувство исторического процесса, неразрывной связи настоящего с прошлым и невозможности осмыслить одно без другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.